

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИКА:
ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО
(к 90-летию со дня рождения
Б.Г. Могильницкого)

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Томск, 3–4 октября 2019 г.)

Часть 2

Издательство Томского университета
2019

*Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 19-09-20068*

Рецензенты:

В.В. Керов, д-р ист. наук, **Н.Н. Родигина**, д-р ист. наук,
С.А. Смирнов, д-р филос. наук

Редакционная коллегия:

В.В. Журавлев, канд. ист. наук (Институт истории СО РАН);
Д.С. Коньков, канд. ист. наук, доцент (ТГУ);
Н.В. Трубникова, д-р ист. наук, доцент (ТГУ);
Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, доцент (ТГУ) – ответственный редактор;
А.В. Юшников, канд. ист. наук (ТГУ)

Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в 2 ч. – Ч. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 392 с.

ISBN 978-5-7511-2594-3

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Творческая лаборатория историка: горизонты возможного», приуроченной к 90-летию со дня рождения признанного лидера Томской историографической школы и одного из крупнейших отечественных методологов истории Б.Г. Могильницкого (1929–2014), д-ра ист. наук, профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории (1967–2009), декана историко-филологического, затем исторического факультета (1968–1980) ТГУ, заслуженного деятеля науки РФ.

Научная повестка конференции охватывает широкий спектр актуальных для современной исторической науки вопросов как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера, сгруппированных вокруг нескольких основных проблемных ракурсов и ставших «центром притяжения» ученых самых разных школ и направлений из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Рязани, Волгограда, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска и других городов Российской Федерации, а также исследователей из Беларуси, Италии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Украины и Франции.

ISBN 978-5-7511-2594-3

© Томский государственный
университет, 2019
© Авторы, 2019

Д.С. Бобров

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛОНИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – 70-х гг. XX в.:
ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ
К ДИХОТОМИЧНОСТИ**

***Аннотация.** Публикация посвящена рассмотрению содержания колониционного дискурса сначала в дореволюционной историографии, а затем в советской сибиреведческой литературе 40–70-х гг. XX в. Автор приходит к выводу о существовании скрытой преемственности между дореволюционным и советским подходами к восприятию колонизации.*

Ключевые слова: *отечественная историография, дореволюционная историография, советская историческая наука, колониционный дискурс, колонизация, освоение, Сибирь.*

Российское государство многие столетия своей истории пережило фактически беспрецедентную динамику своих границ. В этом свете сохраняется неослабевающая эвристическая значимость не только изучения, но и объяснения ретроспективы освоенческих процессов и в целом административной политики власти в тот или иной хронологический период. Перед исследователями долгое время стояла и на сегодняшний день не утратила своей актуальности задача поиска наиболее адекватных и соответствующих исторической действительности методологических инструментариев, в первую очередь теоретических понятий, облегчающих осмысление происходивших на окраинах перемен. Одним из таковых, безусловно, является категория «колонизация», используемая в целом ряде гуманитарных, в том числе достаточно часто в исторической науке.

Родоначальником теории вопреки часто встречающемуся заблуждению следует считать С.М. Соловьева. Согласно его трактовке, колонизация представляет собой специфический общественно-исторический феномен и движущую силу российского исторического процесса [1. С. 56–73; 2. С. 150]. В своих эвристических поисках классик отечественной историографии опирался, с одной стороны, на теоретические конструкции западноевропейского позитивизма,

который в советской исторической науке получил ярлык «буржуазных антропогеографических школ» [3. С. 7], а с другой – на добытый Н.И. Надеждиным и Г.Ф. Миллером фактический материал и выводы [2. С. 152].

Концепт колонизации достаточно быстро получил развитие в работах видных российских историков второй половины XIX – начала XX в. Вслед за С.М. Соловьевым его активно использовали в своих рассуждениях В.О. Ключевский, М.К. Любавский, Г.В. Вернадский и др. [4–7]. Общим в восприятии колонизации для них являлась убежденность в ее неотвратимости, необратимости (невозможности реверсного движения) и непрерывности. В такой трактовке колонизация априори рассматривалась в контексте социально-географических условий страны / региона, т.е. фактически географического детерминизма, в результате чего приобретала радиально-круговой, векторный, волновой или струйный характер распространения. Дореволюционные специалисты определяли ее как исключительно мирное, ненасильственное заселение земель, сопровождавшееся освоением пространства. Показательно замечание С.М. Соловьева относительно колонизации Сибири: «Здесь (в Сибири. – Д.Б.) один народ, государство не был завоеван другим народом, государством... словом... происходило население, колонизация страны» [1. С. 58].

Традиционным для дореволюционной историографии было выделение разновидностей колонизации. Оно осуществлялось в зависимости от ключевого актора освоения, т.е. социальной или политической силы, определявшей направление освоенческих процессов и игравшей в них ключевую роль. Четкая иерархия, градация типов / видов колонизации отсутствовали, они могли существовать одновременно, накладываться или сменять друг друга: историки «государственной» школы примерно в равной степени рассуждали о государственной, народной, крестьянской, княжеской, боярской, монастырской, казацкой и других вариациях явления. Наряду с ними речь также шла о славянской, русской колонизации. В дополнение к этому Г.В. Вернадский ввел термин «иррегулярная колонизация», к которой он относил землепроходцев, промышленников и служилых людей, а главное ее назначение видел в прокладывании «дороги» для «регулярной», осуществлявшейся государственной властью, церковью и крестьянством [6. С. 65, 70].

Наряду со столь глубокими по своему характеру суждениями в дореволюционной историографии хотя и редко, но встречались случаи откровенной идеализации колонизации. Например, П.И. Небольсин при рассмотрении ретроспективы заселения Сибири замечал, что «система колонизации была придумана и приводилась в исполнение чрезвычайно благоразумно, так что колонист, приходя в Сибирь, получал... полное обеспечение во всех своих нуждах» [7. С. 136–137].

В советской исторической науке всплеск интереса к категории колонизации характерен для периода 40 – середины 60-х гг. XX в. и в основном в контексте анализа освоения Сибири. Хрестоматийное для этого времени определение понятия было предложено С.В. Бахрушиным в 1947 г. при характеристике исторических задач изучения Якутии: «Колонизация означает заселение в узком смысле крестьянами, в широком смысле – заселение вообще иноземной территории» [8. С. 270]. В трактовке советских исследователей колонизация оказывалась неразрывно связанной в первую очередь с процессом феодализации, который в Сибири детерминировался стремлением государства одновременно подчеркнуть исключительность собственных прав на земли и ограничить юридические и хозяйственные возможности непосредственных производителей [9. С. 109–124; 10. С. 197].

В рамках колонизационного дискурса советские историки осуществили радикальное отмежевание от географической детерминанты, сделав предметом своих изысканий «население» [3, 8–11]. Это привело к кардинальной трансформации иерархической структуры разновидностей колонизации. Происходила ее дихотомизация, в центр внимания были поставлены правительственная / государственная и «вольнонародная» колонизация (на периферии исследовательского взгляда расположились еще и штрафная / ссыльная, а также монастырская колонизации, но они воспринимались как часть правительственной), где первая всегда направлена на подавление второй вплоть до ее полного подчинения. «Вольнонародная» по умолчанию занимала ведущие позиции, ее приоритет нашел свое очевидное отражение в ставшем для сибиреведов на несколько десятилетий фактически каноническим тезисе: «Присоединение различных районов Сибири находилось в прямой зависимости от интенсивности русской народной колонизации, заселения и хозяйственного освоения русскими переселенцами сибирской земли» [9. С. 55].

Основа складывавшегося антагонизма лежала в искусственной поляризации кристаллизовавшихся в ходе освоительского процесса расхождений интересов государства и широких слоев населения.

На самом деле внутренняя дихотомичность, противоречивость концепта были подспудно заложены еще самим С.М. Соловьевым: в своем раннем творчестве он склонялся к тому, что колонизация носит позитивный характер, содействует вызреванию государственных порядков и возникновению централизованной монархии; однако в более поздний период все чаще обращал внимание на негативные последствия явления для исторического развития России. Они проявились в исчерпании людских ресурсов, образовании низкой плотности населения, препятствиях распространению частной собственности на землю [2. С. 153].

Политическая ситуация в СССР 40–60-х гг. XX в. (точнее, во многом политизированный и конъюнктурный отказ историков от теории завоевания Сибири) в сочетании с качественной эволюцией научных представлений о колониализме [12. С. 8–9] предопределили стремление советских исследователей вывести концепт колонизации из колониального дискурса. Однако такой подход при отсутствии внятных маркеров и направлений методологического развития приводил к прямым теоретическим противоречиям и откровенному заигрыванию с понятиями. Во-первых, все затрагивавшие колонизацию дореволюционные авторы не выводили ее из контекста колониального дискурса. Во-вторых, это не удалось сделать и большинству советских историков, которые в своих работах одновременно (но не синонимично) использовали термины «колонизация» и «колония» [3, 8. С. 269–270]. Тот же С.В. Бахрушин фактически признавал наличие колониального дискурса в истории Сибири, рассуждая о «колониальном гнете», но всю «ответственность» за него возлагал исключительно на государственную власть, оправдывая участвовавшие в освоении регионов широкие слои населения и в первую очередь крестьянство [8. С. 269–270].

Попыткой выхода из своеобразного методологического тупика, в котором оказались сибиреведы к середине 60-х гг. XX в., стала идея «смешанной» колонизации. По мнению М.М. Громыко¹, она представляет собой сочетание легализованной государством крестьян-

¹ М.М. Громыко выделяет три формы / вида колонизации в Сибири: вольную, правительственную и смешанную [10. С. 106].

ской инициативы с действиями царской власти [10. С. 106]. Крестьянская колонизация опережала правительственные меры, обеспечивая важнейшее условие освоения – приток мигрантов, но более широкое освоение было невозможно без участия государственной власти, которая постоянно стремилась тормозить вольнонародные действия [Там же. С. 122, 130]. Иными словами, речь шла о частично выгодном обоим акторам освоения симбиозе, где плюсы каждого из них использовались в части, выгодной другой стороне. Новизна этого подхода не является исключительной. В дореволюционной историографии еще М.К. Любавский указывал на партнерство государства и населения в освоенческом процессе с разной степенью участия в нем одного или другого элемента [5. С. 564]. В академической «Истории Сибири» советского периода содержится знаковое обобщение относительно того, что «в качестве начальных организаторов сибирского земледелия выступили феодальное государство... и само население» [9. С. 63].

Принятие идеи смешанной колонизации академическим сообществом середины прошлого столетия было невозможно, поскольку означало бы признание существенной роли государства в освоении. Поэтому среди специалистов достаточно быстро стала наблюдаться тенденция отказа в своих работах от понятия «колонизация». Уже в начале 50-х гг. XX в. В.В. Покшишевский стремился всячески заместить неудобный термин более нейтральными «расселение», «миграции», а колонизационные волны превращались тогда в «крупные миграционные движения» [3]. К середине 70-х гг. XX в. терминологическое замещение «колонизации» на «присоединение», «освоение» приняло тотальный характер [12. С. 9], хотя продолжали выходить монографии, заключавшие инерцию утвердившихся в советской науке методологических подходов [13].

Таким образом, колонизационный дискурс в период второй половины XIX – 70-х гг. XX в. претерпел вполне закономерную трансформацию, которая, однако, затронула в основном его внешние, формальные проявления и в гораздо меньшей степени коснулась содержательной стороны. Это позволяет говорить о существовании скрытой преемственности / традиции между дореволюционным и советским подходами к восприятию колонизации.

Литература

1. *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. – Кн. 1. – Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.
2. *Сили Ш.* Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. – 2002. – № 6. – С. 150–154.
3. *Покишиевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. – 208 с.
4. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 830 с.
5. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.
6. *Вернадский Г.В.* Против солнца: распространение Русского государства к востоку // Русская мысль. – 1914. – № 1. – С. 56–79.
7. *Небольсин П.И.* Покорение Сибири. – М.: Вече, 2014. – 352 с.
8. *Бахрушин С.В.* Избранные труды. Т. III, ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 299 с.
9. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
10. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск: Сиб. отд. изд-ва «Наука», 1965. – 265 с.
11. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 229 с.
12. *Никитин Н.И.* Термин «колонизация» в отечественной историографии: проблемы восприятия и идентификаций // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 1. – С. 6–18.
13. *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.